

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 120–126

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 120–126
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-120-126>

EDN: CFWEJI

Научная статья
УДК 008+316.42

Специфика концептуального различения сельского и городского в горизонте стадиального подхода

М. Б. Буняев, Е. А. Антипова ✉

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, проспект им. Петра Столыпина зд. 4, стр. 3

Буняев Максим Борисович, ассистент кафедры социально-гуманитарных наук, mmm2026@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3623-7761>

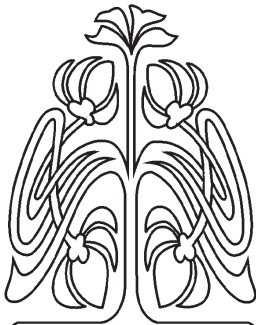
Антипова Екатерина Алексеевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, cat.petrulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7954-9693>

Аннотация. Введение. Центральной темой статьи является различение понятий сельского и городского в картине мира российской цивилизации через обращение к концепции Э. Тоффлера. **Теоретический анализ.** Стадиальный подход рассматривает сельские и городские формы человеческого поселения как ступени, по которым человечество восходит от дикости к цивилизации. В рамках данной концепции село и город – это не только способы устойчивого пространственного размещения человека, но и значимые этапы развития форм человеческих поселений. В условиях аграрной цивилизации основным видом пространственного размещения человечества было проживание в небольших (относительно общей численности населения) поселениях, окруженных тем количеством возделываемой земли, которое необходимо для выживания социума. На этом раннем этапе город и село не противопоставлялись друг другу, а являлись единым административно-территориальным образованием. Индустриальное общество создало город как особое искусственное пространство и вывело его на передовые позиции, что заложило основы для сущностного различения сельских и городских поселений. С наступлением Третьей волны возникают новые формы «городов и сел будущего»: экопоселения, наукограды etc. **Заключение.** Каждая из трех волн оказала существенное влияние на способы размещения человека в пространстве.

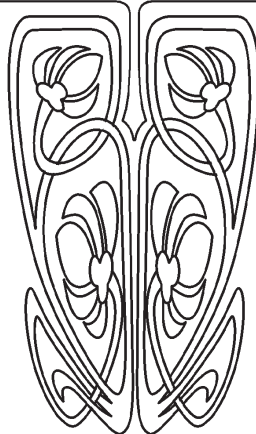
Ключевые слова: село, город, топос, российская цивилизация, стадиальный подход, Э. Тоффлер

Для цитирования: Буняев М. Б., Антипова Е. А. Специфика концептуального различения сельского и городского в горизонте стадиального подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 120–126. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-120-126>, EDN: CFWEJI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

About conceptual distinction between rural and urban in the context of stadial theory

M. B. Bunyaev, E. A. Antipova ✉

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, building 4, block 3 Peter Stolypin Avenue, Saratov 410012, Russia

Maxim B. Bunyaev, mmm2026@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3623-7761>

Ekaterina A. Antipova, cat.petrunina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7954-9693>

Abstract. Introduction. The main topic of the article is conceptual difference between rural (village&hamlet) and urban (town&city) in the world-view of Russian civilization through referring to Alvin Toffler's conception of The Third Wave. **Theoretical review.** In the horizons of stadial theory rural and urban are forms of settlement and they are the stages of ascending from savagery to civilization. Village and town are not only stable space locations for a human being, but also the stages of essential evolution of settlements. The main and typical form of spatial distribution of peoples of agricultural civilization is dwelling in compact settlements, surrounded by vital necessary amount of cultivated land. At this early stage of civilization urban and rural were not related as contradicting concepts. They were a single entity as inhabited districts. The industrial society created city as a special artificial space that must be brought to the forefront. This act became the foundation for conceptual and essential difference between town and village. With the advent of the Third Wave, new forms of settlements are emerging, which are currently presented as pilot projects of "cities and villages of the future". **Conclusion.** Each of the three Waves has had a significant impact on the ways to accommodate a human being in a space.

Keywords: village, city, town, hamlet, topos, Russian civilization, stadial approach, Alvin Toffler

For citation: Bunyaev M. B., Antipova E. A. About conceptual distinction between rural and urban in the context of stadial theory. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 120–126 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-120-126>, EDN: CFWEJ1

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Село и город – древнейшие способы устойчивого пространственного размещения человека. Их облик обусловлен своеобразием практик конкретной хозяйственной деятельности и связанными с ними мировоззренческими представлениями. Они являются местами сосредоточения средств и результатов освоения человеком среды обитания. Осмысление концептов села и города является необходимым для процесса становления цивилизационной идентичности. Прояснение же специфики концептуального различения сельского и городского в горизонте стадиального подхода позволяет выявить в динамике характерные особенности способов пространственного размещения человека.

Теоретический анализ

В рамках концепции Э. Тоффлера, разрабатываемой в книге «Третья волна», история всего человечества делится на три крупных исторических периода – три волны – которые фиксируют не только изменение «базисных» способов производства, но и трансформацию «надстроечных» особенностей восприятия человеком реальности, в том числе таких ка-

тегорий, как пространство и время. В Первую волну основным видом пространственного размещения человечества было проживание в небольших поселениях, что было обусловлено необходимостью участия в возделывании земли большей части населения. Данная ситуация сформировала цивилизацию аграрного типа, для которой было свойственно рассеяние людей по большой территории и проживание их в компактных микросообществах с сильными внутренними социальными связями. Наряду с этим для периода Первой волны характерна низкая степень социальной мобильности и ориентация жизненных и производственных ритмов людей на природные циклы. Концепция Трех волн, согласно постклассическому в своей рациональности замыслу Э. Тоффлера, не столько предзадает историческому процессу строгую формационную структурность, сколько указывает на схожесть последовательностей событий, происходящих в сосуществующих во времени многообразных человеческих общностях.

В данном исследовании предпринят подход к раскрытию своеобразия опыта российской цивилизации через призму концепции волн. Узким и собственным предметом исследования является концепт населённого пункта – городского и сельского.

Проясняя взаимоотношение сельского и городского в структуре российской цивилизации на этапе существования аграрного общества Первой волны, мы нуждаемся в выявлении точки их концептуального различия. Где и когда становится возможным уверенно сказать «город – не село» и дать некоторое положительное определение каждому из этих понятий? Так, Б. Н. Миронов замечает: «... поселения, называемые в России городами, существуют более 1000 лет, но поселения, которые можно считать городами в современном смысле – центрами культуры, промышленности, торговли, услуг, финансов и информации, появились сравнительно недавно – лет 300» [1, с. 789]. А. В. Куза, анализируя историографию проблемы возникновения русских городов, указывает на многообразие значений понятия «древнерусский город», которое может означать любое укрепленное поселение, выполняющее роль торгового, ремесленного, культового, административного, оборонного центра [2]. Столь же многообразны оказываются и пути возникновения города: синойки античного образца, ставка вождя, феодальный двор, место сбора дани, торговая фактория, ремесленный центр etc. Вместе с тем общим местом для исследователей оказывается замечание об отсутствии в аграрном обществе «резкой грани между городом и деревней» [1, с. 804] и образовании сельским и городским «в значительной мере единого административного, социального, экономического и культурного пространства» [1, с. 790]. Город хотя и представлял собой особое сущее, отличное от села, селу не противопоставлялся. Дифференциация начинается, по мнению Б. Н. Миронова, в середине XVII в. и завершается к 1860-м гг., что связано со становлением индустриального общества. По мере изменения структуры производительного труда и возникновения сопутствующих ему новых типов общественных отношений происходит стремительное разложение традиционного хозяйственного уклада, носящего до середины XVII в. преимущественно аграрный характер (в свою очередь, специфицированный в городах за счёт наличия у них функций административных и торгово-ремесленных центров). Повышается интенсивность перетока сельского населения в город, что влечёт за собой не только и даже не столько смену типа хозяйственной деятельности, сколько перемену

способа вовлечённости – семейно-общинный труд сменяется вовлечением отделённого от общины индивида в массовое капиталистическое (но всё ещё аграрное в своей основе!) производство. Наряду с этим часть сёл превращается в полнофункциональные города, но сохраняет административно-правовой статус села из-за его преимуществ. Именно в этот период в отечественном общественном сознании формируется образ города модерна. Этот передовой и даже в сущностном отношении новый город воплощает в себе черты будущей высшей промышленной (ср. с лат. *providentia* и древнегреч. *προμηθής*) реальности, для которой замкнутое на самом себе аграрное село становится пройденным этапом. Отметим, что в эту же эпоху в общественном сознании (на отечественной почве – конец XVIII – начало XIX в.) дозревает различие государственного (телеологического политического) и народного (автохтонного этнического). «Первое из них возникло позже второго и постепенно начало представлять собой институализированную структуру», второе же (народное), в свою очередь, стало выражать «изначальный субстрат» [3, с. 57]. Поворот же к индустриальности с очевидностью являет нам то обстоятельство, что «государство возникает отнюдь не только на основе этноса, оно имеет другую природу и склонно к использованию всего, до чего оно может дотянуться в своих собственных интересах» [3, с. 57], и, как следствие, преобразует поселения аграрного типа под нужды «новой реальности». Таким образом, различающее противопоставление села и города является следствием модернизации экономики и переходом от цивилизации Первой волны к цивилизации Второй волны.

Во Вторую волну город занимает ведущее положение среди способов размещения людей в пространстве. Он выходит на передовые позиции в ходе этапа индустриализации с ее основополагающими принципами: *стандартизации, специализации, синхронизации, концентрации, максимизации и централизации* [4, 5]. Село же, являясь продуктом Первой волны и аграрной цивилизации, закономерно начинает отставать от ритма мировой истории. В то время, когда города испытали на себе действие принципа *стандартизации* процессов производства и потребления, село сохранило свою самобытность и неповторимость. В аграрной сфере преоблада-

ющее значение все еще имело «местное знание», учитывающее нюансы ведения хозяйства в конкретной местности: особенности почвы, погодно-климатические условия, специфику флоры и фауны. В селах отсутствовала строгая *специализация* и *стандартизация* видов деятельности – каждый житель был «мастером на все руки» и в своей прикладной деятельности руководствовался синкретичным и традиционным местным знанием. Наряду с этим для него поле было не столько пространством, отмеченным на карте как место выращивания монокультуры, сколько источником сопутствующих благ: соломы, дико произрастающих грибов, ягод [6, с. 76].

Село не коснулось и принцип *синхронизации*, который был свойствен для города с его работающей в слаженном графике «с девяти до пяти» промышленностью. Время, отмеряемое механическими часами, практически бесполезно в сельской местности. Возделывание природы требует не механистической точности, а умения подстраиваться под природные ритмы. Природа является мерой жизненной необходимости, определяющей уместность и своевременность действия. Индустриальный город, напротив, «живёт» в едином ритме с фабриками и заводами – производится в качестве среды их функционирования. Смена времен года перестает играть для него определяющую роль, так как на первый план выходит социальный запрос. Наряду с этим для функционирования промышленности необходима концентрация ресурсов и людей в одном месте – в городе, который становится подлинным центром жизни цивилизации. На этапе Второй волны город из «большой деревни» превращается в особое спроектированное существо: с железобетонными высотками, магистралями, метрополитеном, искусственными насаждениями и духом городской жизни. Село же остается наследием аграрной цивилизации, законсервированным во времени осколком, и именно поэтому в период индустриальной цивилизации возникают проекты его модернизации под требования нового времени.

Обращаясь к советскому опыту, укажем на проекты 30-х гг. XX в. по трансформации села и превращении его в передовую и прогрессивную «сельскохозяйственную фабрику». Заменяя села и деревни колхозами и совхозами, советское государство учреждало сообщества, которые должны были «действовать как заво-

ды, выполняя государственные заказы по зерну и другим сельскохозяйственным продуктам» [6, с. 331]. Это был способ планомерного превращения отсталой и несвоевременной сельской местности с ее неподконтрольными в полной мере государству практиками ведения хозяйства в слаженный, унифицированный, специализированный и стандартизированный по городскому образцу механизм. В знаковом учебнике «История ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.) отмечалось, что значимую роль в сельском хозяйстве должно играть «не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы» [7, с. 298], а также, что этот путь ориентирован на построение светлого будущего, которое приведет к «уничтожению последних корней [sic!] капитализма в стране, к завершению победы социализма в сельском хозяйстве» [7, с. 314]. Оценивая произошедшие в стране изменения, И. В. Сталин отмечал, что Советский Союз «из страны темной, неграмотной и некультурной ... становится – страной грамотной и культурной» [8, с. 553]. На смену отсталому селу царской России приходит передовой советский «социалистический сектор сельского хозяйства» [7, с. 298]. В городах страны Советов фабрики производят машины, в селе «фабрики» производят хлеб. Цивилизация будущего представлялась полностью подконтрольным воле человека механизмом: природа обуздана обществом, нет места случаю и царит организующий и стандартизирующий всё порядок, установленный сверху, из центра.

Проекты Второй волны модернизации села были в равной степени и проектами его производства – переопределения уже имеющейся сущности. Села должны были, с одной стороны, вернуться в русло мировой истории – обогатиться передовыми достижениями науки и техники. С другой же – село надлежало *сделать* подконтрольным государству, прозрачным для руководящих структур и пригодным к целевому использованию. И пусть результаты этого преобразования и оказались отличными от запланированных, сама успешность перемены бесспорна. Промышленное общество, одержимое поиском пути для окончательной трансформации природного в искусственное, сельского – в городское и жаждущее полной победы модернистского проекта индустриального будущего, создало условия для глобальных перемены в жизни человечества. Наступила эпоха Третьей

волны, которая, по мнению Э. Тоффлера, должна породить новый вариант пространственного размещения людей: городская концентрация будет соседствовать с «рассеянием» по пригородам, возрастет «стремление к частной жизни» и возродится «привлекательность малых городов и деревенской жизни» [4, с. 334].

В российских условиях заданное Третьей волной переосмысление способов размещения человека в пространстве происходит в рамках проектов «поселений будущего»: техно- и экоселений, IT-деревень, наукоградов, «умных городов» etc. Подобные инициативы становятся возможными в силу того, что информационное общество трансформирует и дополняет основополагающие принципы цивилизации Второй волны. Так, *концентрация* людей в пространстве для выполнения *специализированных* социально значимых задач реализуется в проектах технопоселений и наукоградов. Например, г. Иннополис (Республика Татарстан) – «высокотехнологичный город будущего», основные объекты социальной инфраструктуры которого находятся в «шаговой доступности», а местные жители проживают преимущественно в многоквартирных домах [9]. Иннополис – это место концентрации IT-специалистов, а также пространство для апробации новых технологий: беспилотное такси, доставка еды роверами, дронопорт, мониторящий городскую среду, и т.д. [10]. Этот «умный» город насыщен технологиями и вписан в окружающую природную среду. Вместе с тем Иннополис, согласно своему замыслу, чужд «мегаполитизму». Топология «города будущего» предполагает всестороннюю обозримость из каждой точки, принадлежащей к данному связанному множеству. Данная установка видится родственной античному идеалу полиса-сообщества, пространственная граница которого определяется возможностью увидеть город целиком, а численность населения которого ограничена возможностью установления прямой связи между всеми совместно действующими лицами.

Цифровая и технологическая трансформация, являющаяся одной из примет наступления Третьей волны, порождает проекты переосмысления и переизобретения практик сельской и деревенской жизни. О процессе кажущейся деурбанизации – переселении людей из мегаполисов, говорит Б. Н. Миронов, отмечая, что «наметилось движение горожан в

сельскую местность <...> как фермеров, предпринимателей, деловых людей, желающих возродить и изменить деревню» [1, с. 860]. Пунктом назначения и обетованной землёй этого исхода становятся экоселения. Интересна позиция М. Я. Лемешева, предлагающего проект будущего российского села, состоящего из 100 деревянных частных домов, в каждом из которых проживает трёхпоколенная семья. Жители такого поселения, по мнению автора, должны быть заняты в сфере сельского хозяйства [11]. Отметим, что условием возможности кажущейся реставрации традиционного уклада является чрезвычайное развитие производительных сил общества – всепроникающая технологическая революция. В самом деле, если мышление Второй волны – просвещения и модерна, полагает общество фабрикой по целенаправленному преобразованию природы, то Третья волна производит *саму природу*.

Обращаясь к существующим в России «селам будущего» – экоселениям, констатируем, что они представляют собой населенные пункты численностью несколько десятков жителей, являющихся не единой соседской общиной, а союзом «отдельных семей (домохозяйств), экономически независимых друг от друга, с общей территорией проживания, соседской взаимопомощью и общей идеологией» [12, с. 68]. Каждое из экоселений обладает своей спецификой. Общей чертой, объединяющей их воедино, является претензия на альтернативу жизни в индустриальном городе. Так, в экоселениях реализуется возможность (вос)создать доцифровую коммуникативную среду, в которой долгое общение воспринимается, как и раньше, в качестве признака «социальной устойчивости, социализации, определенной стабильности» [13, с. 387] и противопоставляется нынешнему формату, ориентированному на удобство и доступность социальных сетей, делающих доминантными краткосрочные контакты и рецессивным долгое взаимодействие индивидов.

Заключение

Каждая из трех волн оказала существенное влияние на формы размещения человека в пространстве. В Первую волну возникают первые оседлые поселения – села и города – жители которых преимущественно заняты в сфере

сельского хозяйства. На этом этапе город и село являлись единым административно-территориальным образованием и не противопоставлялись друг другу в силу схожего хозяйственно-бытового уклад жизни.

Во Вторую волну город активно преобразуется в особое искусственное пространство, подчиненное нуждам индустриального сектора, что, с одной стороны, вывело его на передовые позиции, а с другой – заложило основы для существенного отделения от села. «Сердцем» города становится промышленное предприятие, ради обеспечения нужд которого преобразуется вся инфраструктура и выстраивается особый режим жизни населения. Город функционирует как единый механизм, село же живет в природных ритмах.

Третья волна привносит новые веяния в практики пространственного размещения человека. Наряду с высокотехнологичными «умными» городами, создающими полностью искусственную среду, возникают «традиционные» села, ориентированные на создание природы, пригодной для установления гармонии с человеком. Эти типы населенных пунктов, хоть и отсылают к селам Первой и городам Второй волны, сущностно ими не являются, так как пронизаны информационными технологиями, диктующими особый образ жизни населения и, как следствие, задающими специфику пространственного размещения людей.

Список литературы

1. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.
2. Куза А. В. Малые города Древней Руси. М. : Наука, 1989. 168 с.
3. Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Листвина Е. В., Рязанов А. В. Государство и этническая идентичность: противостояние или союз? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 56–61. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEMML
4. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с.
5. Антипова Е. А. Музей как социальный феномен: структура и динамика. Саратов : Саратовский источник, 2022. 195 с.
6. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М. : Университетская книга, 2005. 576 с.
7. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б), одобрен ЦК ВКП(б). М. : Изд-во «Правда», 1938. 352 с.
8. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 655 с.
9. Ишкинева Ф. Ф., Озерова К. А., Ишкинева Г. Ф. Образ «умного города» Иннополис: концепты и повседневность // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 2. С. 143–157. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.719>
10. О городе // Иннополис : [сайт]. URL: <https://innopolis.ru/ru/city> (дата обращения: 11.06.2025).
11. Лемешев М. Я. Образ будущего российского села // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71). С. 83–91.
12. Задорин И. В., Мальцева Д. В., Хомякова А. П., Шубина Л. В. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осозанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 64–77.
13. Листвина Е. В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 386–389. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

References

1. Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From tradition to modernity : in 3 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2014. 896 p. (in Russian).
2. Kuza A. V. *Malye goroda Drevney Rusi* [Small towns of Ancient Rus']. Moscow, Nauka, 1989. 168 p. (in Russian).
3. Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Listvina E. V., Ryzanov A. V. The state and ethnic identity: Confrontation or alliance? *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 56–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-56-61>, EDN: LNEMML
4. Toffler A. *The Third Wave*. New York, Morrow, 1980. 544 p. (Russ. ed.: Moscow, AST, 1999. 784 p.)
5. Antipova E. A. *Muzey kak sotsial'nyy fenomen: struktura i dinamika* [Museum as a social phenomenon: Structure and dynamics]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2022. 195 p. (in Russian).
6. Scott J. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, London, Yale University Press, 1998. 464 p. (Russ. ed.: Moscow, Universitetskaya kniga, 2005. 576 p.)

7. *Istoriya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs*. Pod red. komissii TsK VKP(b), odobren TsK VKP(b) [The history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course. Ed. by the Commission of the Central Committee of the CPSU(b), approved by the Central Committee of the CPSU(b)]. Moscow, Pravda, 1938. 352 p. (in Russian).
8. Stalin I. V. *Voprosy leninizma*. Izd. 10-e [Questions of Leninism. 10th ed.]. Moscow, Partizdat TsK VKP(b), 1935. 655 p. (in Russian).
9. Ishkineeva F. F., Ozerova K. A., Ishkineeva G. F. The image of the "Smart City" Innopolis: Concepts and everyday life. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 143–157 (in Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.719>
10. About the city. *Innopolis*. Site. Available at: <https://innopolis.ru/ru/city> (accessed June 11, 2025) (in Russian).
11. Lemeshev M. Ya. The image of the future Russian village. *Economics of Contemporary Russia*, 2015, no. 4 (71), pp. 83–91 (in Russian). EDN: VBNTZP
12. Zadorin I. V., Mal'tseva D. V., Homyakova A. P., Shubina L. V. Alternative rural settlements in Russia: Spontaneous internal emigration or deliberate transfer to the future. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies], 2014, no. 2, pp. 64–77 (in Russian).
13. Listvina E. V. Modern socio-cultural communications: transformations in the digital age. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 386–389 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

Поступила в редакцию 14.06.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 12.03.2026
The article was submitted 14.06.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 12.03.2026